

именно къ тому, чтобы публичное обсужденіе ихъ повторилось возможно рѣже.

Очевидно, что въ данномъ случаѣ борьба съ оппозиціею касается старыхъ внутреннихъ споровъ и не имѣетъ прямого отношенія къ вопросамъ внѣшней политики, вопреки распространеннымъ толкованіямъ заграничныхъ газетъ. Для военного могущества Германіи совершенно безразлично, будутъ ли военные законы вотируются каждые три года или каждыя семь лѣтъ, или даже ежегодно,—ибо нѣмецкіе депутаты никогда не откажутъ правительству въ средствахъ на необходимое усиленіе военныхъ силъ страны. И теперь бюджетъ морского министерства обсуждается ежегодно, и однако это не мѣшаетъ быстрому возрастанію германскаго флота, причемъ никакихъ серьезныхъ разногласій между палатою и правительствомъ не происходитъ по этому поводу. Когда предводитель партіи прогрессистовъ, Евгеній Рихтеръ, сослался на практику морского министерства, то князь Бисмаркъ съострилъ, что, „должно быть, рейхстагъ болѣе компетентенъ на морѣ, чѣмъ на сушѣ“. Не трудно замѣтить, что и конституціонный споръ, поднятый канцлеромъ, поставленъ имъ на весьма сомнительную почву.

Если бы имперскій сеймъ не имѣлъ права измѣнять военные законопроекты, то ихъ и не вносили бы на его разсмотрѣніе; уже самый тотъ фактъ, что законъ нуждается въ утвержденіи парламента, доказываетъ наглядно, что теорія князя Бисмарка ошибочна въ принципѣ. Какъ бы то ни было, настойчивое желаніе правительства добиться военного „семилѣтія“ проистекаетъ изъ мотивовъ внутренняго, а не международнаго характера. Политическія опасенія, вызванныя образомъ дѣйствій канцлера въ вопросѣ о новомъ военномъ законѣ, могли возникнуть только по недоразумѣнію.

Наиболѣе обстоятельная рѣчь произнесена была княземъ Бисмаркомъ въ засѣданіи 11-го января, послѣ рѣчей графа Мольтке и Шенка фонъ-Штауфенберга. Графъ Мольтке, по обыкновенію, высказался кратко и сурово. „Всѣ спрашиваютъ себя, — замѣтилъ онъ, между прочимъ:—будемъ-ли мы имѣть войну. Я думаю, что ни одинъ правитель государства не возьметъ на себя огромной отвѣтственности—добровольно бросить зажженный факель въ горючій матеріалъ, нагроможденный, въ большей или меньшей мѣрѣ, во всѣхъ государствахъ. Сильное правительство есть гарантія мира; но народныя страсти, честолюбіе предводителей партій, ложно направленное общественное мнѣніе,—все это элементы, могущіе оказаться болѣе сильными, чѣмъ воля правительства; мы вѣдь дожили до того, что даже биржевые интересы возбуждаютъ войну. Если среди этого политическаго напряженія существуетъ государство, способное дѣйствовать